

ДОКТОР
ЕГО ПАЦИЕНТЫ:
ГОЛЕВ
ЗУЕВ
БАТЮНИН
ХАЛЯВИН
СЕНЯ ГАНЗА
ВИТЯ
ПАН СПОРТСМЕН
ИНОСТРАНЕЦ
АГРОНОМ
ТУРУСИН
ЖЕНА БАТЮНИНА
ЖЕНЩИНА
САНИТАРЫ

Место действия: психиатрическая
больница, в просторечии дурдом.

Сцена представляет голое, «палатное» пространство, отделенное от зала металлической решеткой. Решетки также и на окнах. Главную решетку-границу с криками штурмуют, на нее наrabнаются обитатели больницы. Штурмующие ее изнутри, достигшие верха в зал не прыгают, а атакующие из зала лезут внутрь с радостью.

ДОКТОР. *(Выходит вперед.)* Жизнь моя – жизнь врача-психиатра. Интерес к психиатрии, к душевным болезням был всегда велик, а в последнее время он все время увеличивается *(подумав)*... в последнее время всё время? Да нет, вроде по-русски. Увеличивается. Почему? Потому что любой и каждый подвержен отклонению от нормы. Но что есть норма? Нормальны ли те, кто объявляет других ненормальными? И нормальны ли те, кто заставляет нас жить

ненормально? Почему, вот главный вопрос, в России все идет ненормально?

БОЛЬНЫЕ. Почему?

Доктор распахивает двери в решетке, на что больные кричат «ура!», идут вниз и внутрь. Только Турусин остался на решетке.

ДОНТОР. Слезайте, Турусин, враг разбит, Зимний взят, рейхстаг взят. Бастилия тоже, победа, естественно, как всегда, за нами. Слезайте. Пора лекарства принимать.

ТУРУСИН. Не слезу. Во-первых, тут я тихо сам с собою веду беседу, а во-вторых, я произошел от Дарвина, а он от обезьяны. Где же мне и помещаться, как не тут.

ДОНТОР. Меня не послушаете, санитар придет.

ТУРУСИН. Это уже серьезно. *(Слезает, но, что-то вспомнив, возвращается.)*

ДОНТОР. Эти мои психобольные спокойные и полезные. Это не гидроцефалы, не олигофрены, не зачатые по пьянке, не пораженные наследственными болезнями, нет, в перестройку пошел народ отборный, какого и на так называемой воле не встретишь. Почему «на так называемой»? Да потому, что наше первое мужское отделение куда вольнее, чем остальной (на зал) мир. Слезай, Турусин.

ТУРУСИН. Скажу формулу революции, тогда слезу.

ДОНТОР. Слезь и скажи.

ТУРУСИН. Нет, вначале скажу, потом слезу, эту формулу надо сверху сказать, чтоб сильнее запомнили. Я формулу даже зарифмовал, чтоб врезалось в память. Итак: «Сперва лжеученья – глупцам развлеченья, потом и идейки, кружки да ячейки, потом и листовки, потом забастовки, потом за винтовки, а там баррикады, а там канонады, да шире, да дале, Россию про... дали». *(Слезает.)*

ХАЛЯВИН. Формула! Есть формула еще проще: три дня рабочим хлеба не давать. Вот и все. Шпану на винные склады напустить. И любое правительство

слетит. А еще знаешь как? Как Боря-свинопас учил: разевайте рот. Рот разевайте (в зал) и глотайте суверенитет! Сколько проглотите.

ДОНТОР. Скрывать не буду, да и от кого нынче что скроешь – велели многих новых больных объявлять... больными, внушать им болезнь. Как? Элементарно, Ватсон. *(В зал.)* Попросим для опыта на сцену любого, любого! Из вас. *(Выходит зритель.)* Уверяю вас в том, что вы больной психически, но, чтобы не было потом последствий, как мы говорим, следовых реакций, внушаю, что это только опыт. Встаньте в положение тела по Ромбергу, то есть пятки вместе, носки вместе. Закройте глаза, вытяните руки. Трясутся? *(В зал.)* Тут у кого хоть затрясутся – в сумасшедшие записывают. Это, говоря на жаргоне медиков, проверка на трясучку.

Анализ мочи *(смотрит на извлеченную из кармана бумагу)*. О, в моче всего полно, вспомнить только, что едим, что пьем. Анализ крови? Ужас! Кардиограмма?.. Страх! Дальше не надо: клиент готов, он ступорозен, мутичен, абуличен, он весь наш. Да еще недельки две проживет в отделении, тут ему, как говорят мои подопечные, полный шандец. *(Отправляет зрителя в зал, хотя зритель сам уже рвется в отделение.)* У меня в отделении становится все больше тех, кто, как бы помягче выразиться, умнее лечащего врача. Хотя... хотя быть умнее всех – преимущество врачей-психиатров. Это ведь про нас анекдот: «У вас в палате есть Наполеон? – Есть. Только он заблуждается, ведь Наполеон – это я». Таковы мы – психиатры... *(Зажрывает за собой решетку.)*

Утро.

ДОНТОР. Утро в отделении начиналось так же, как и на воле – с зарядки. Только у нас зарядка была умственная. *(Психобольным.)* Становись.

БОЛЬНОЙ. По росту или по уму?

Гегель все подчинил разуму, Шопенгауэр все подчинил воле, Ницше, ухватившись за теорию развития человека от обезьяны, решил, что человек и дальше развивается, и сочинил теорию о сверхчеловеке. Тут уже Папа Римский объявил о своей непогрешимости, то есть поспешил захватить место сверхчеловека. Вопрос к аудитории: нормальны ли они?

ДРУГОЙ БОЛЬНОЙ. Я требую, чтобы меня выслушали не только вы, доктор, но и остальные.

БОЛЬНЫЕ (*выстраясь и толкаясь из-за места на правом фланге, хором*). Говори, Вася!

БОЛЬНОЙ. Турусин сообщил, что он произошел от Дарвина, а тот от обезьяны, это дело Турусина и Дарвина. Но он это и остальным внушает. Турусин, ты уже слез, уже не скачешь по ветвям железной решетки, слушай: Кант отрицает сверхъестественное, хотя уже одно это сверхъестественно. Ренан додумался до кошунства, что Христос только человек. Гегель все подчинил разуму, Шопенгауэр все подчинил воле, Ницше, ухватившись за теорию развития человека от обезьяны, решил, что человек и дальше развивается, и сочинил теорию о сверхчеловеке. Тут уже

Папа Римский объявил о своей непогрешимости, то есть поспешил захватить место сверхчеловека. Вопрос к аудитории: нормальны ли они? Нормален ли Маркс, учивший, что все от капитала, инстинктов и желудка? Нормально ли говорить, что жизнь – борьба, в которой побеждает сильнейший, что жалость к слабым есть безумие. Об остальных повелителях ума помолчим для краткости, достаточно и указанных, чтобы спросить: эти чокнутые гордецы нормальны? Конечно, нет, но они влияли на мир и постепенно сделали его под себя, чтобы удержаться в гениях. Все наши беды оттого, что мы не слушаем друг друга. От этого гибнут государства, рушатся судьбы, от обиды невысказанности уходят в затвор, на плаху, сходят с ума. Кому не нравятся мои рассуждения, пусть не слушает.

ДОНТОР. Я давно заметил, что от буйства лекарства есть, а вот от поноса слов – нет. Причем понос слов всегда означает запор мыслей. Доказать? Включите телевизор.

Все смотрят телевизор, где на экране псих проводит сеанс гипноза, или дает советы, нан излечиться от запора, или... или на фантазию антеров и режиссера.

ДОНТОР. Пока они смотрят телевизор, я думаю. Половину мирового коечного фонда занимают психобольные (по-русски – душевнобольные. Именно у русских болит вначале душа, потом все остальное).

Итак, я делаю выводы:

1. Психобольные не есть душевнобольные.
2. Душевнобольные нормальны, ибо именно они всегда говорят правду, тогда как так называемые здоровые сплошь и рядом прибегают к лжи, чтобы правду скрыть.
3. Душевнобольные обладают даром предвидения.

Какая система быстрее сводит людей с ума: капитализм или демократизм? Отвечаю: сводят обе. Ибо всякая система неестественна и губительна для психики. Вопрос: насколько?

Входит санитар.

САНИТАР. Новенький (*подает историю болезни*). Переодевают. Вначале, может, успеете наших принять?

ДОНТОР. Кто?

САНИТАР. Как всегда: Халявин, Голев, Зуев. Избаловали вы их. Болтали бы в курилке, нет – надо к заведомому.

ДОНТОР. Зовите. (*Берет историю болезни*). Зуев. Детдомовец. Склонен к побегу. Будет проситься на работу. В прошлый раз рассказывал, что это он убил Гитлера.

Входит Зуев.

ДОНТОР. Ну что, Коля, лучше тебе?

ЗУЕВ. Алексей Иванович, есть слово «лучше», а есть слово «легче». Выпишите на работу.

ДОНТОР. Убежишь ведь.

ЗУЕВ. Куда? Кабы лето.

ДОНТОР. Ты зачем ко мне просился?

ЗУЕВ. Бумаги надо – стихи сочинил.

ДОНТОР (*даст бумагу*). Ну, садись, пиши.

ЗУЕВ. Я еще на другом языке сочинил. Тоже писать?

ДОНТОР. Пиши. Следующий.

Входит Халявин, по пояс раздевается у порога.

ХАЛЯВИН. Справок не надо!

ДОНТОР (*с историей болезни*). У него фронтальная контузия. Болел, работал, был несправедливо обижен, поехал жаловаться, заболел психически. Его просто нужно выслушать – он успокоится до следующего раза.

ХАЛЯВИН. Халявин, офицер запаса. Участник войны.

ДОНТОР. Слушаю.

ХАЛЯВИН. Жить надо по-будущему! Здесь нет воевавших, одна шпана, ходил я на

пилораму, но нет пальто, нет галстука, на войне было пальто и носил галстук, сапоги со шпорами, садишься на коня и скачешь на запад. Были усы, закручивал. По-будущему надо жить!

Входит Голев в чалме.

ХАЛЯВИН. Голев, такой здоровый, на пилораму не ходит.

ЗУЕВ (*бросил писать стихи*). Да ему даже пол мыть нельзя – сразу доска приходится менять. А протрет койки – они ржавеют. Его родня из другого мира, они нас поджигали.

ДОНТОР. Написал стихи? Давай... (*К Халявину*). Павел Николаевич, идите. Хорошо поговорили. Жить будем по-будущему.

Халявин уходит.

ДОНТОР (*к Голеву*). Ты чего это в чалме?

ГОЛЕВ. Сигналов не хочу от волшебников.

ДОНТОР. Ладно, посиди. (*Берет у Зуева стихи*). «Тебя все нет в тиши ночной, ах, что со мной, ах, что с тобой. Вот вижу – призраком идешь ко мне, и тут же потерялась во мгле. Одна луна лишь на меня глядит, да сердце все мое горит. И так всю ночь мне не спится, пока не вспыхнет новая зарница». Очень хорошо. Можно Голеву почистить?

ЗУЕВ. Конечно.

ДОНТОР. (*Берет другой листок*). Это на другом языке? Тартень пронь келаша не пронь кретошь пелу и пала, печь кетлана умечь кара лету уже келану и чаша таль пана мердана... Это о чем?

ЗУЕВ. Тоже о любви. Доктор, я ведь из тюрьмы сбежал, как мне быть, ведь я в побеге числюсь, срок добавят.

ДОНТОР. Не добавят. Иди спокойно, я им скажу, что ты у нас.

ЗУЕВ. А на работу выпишете?

ДОНТОР. Телогреек и сапог не хватает. Вот ближе к лету посмотрим.

ЗУЕВ. Надо же награждать трудом, верно? Гитлера же не каждый убьет. А я убил.

ДОНТОР. Расскажи, как?..

ЗУЕВ. Не помню, я же был маленький. (*Уходит.*)

ДОНТОР (*к Голеву*). Ты чего на прием просился?

ГОЛЕВ. Алексей Иванович, не хочу с дураками сидеть. Мне подсыпают наркотики, да чуть меня не сожгли. Даже пых тряпочный подготовили. У меня легкие обморожены зелеными лучами. Не хотели пихаму давать и компоту, только с самолетов волшебники велели дать, тогда дали...

ДОНТОР. Тебе понравились стихи Зуева?

ГОЛЕВ. Буду я читать, дурак писал. Думаете, что солнце жаркое, значит, там углем топят, а это волшебство.

ДОНТОР. Платок снимите.

ГОЛЕВ. Голоса не велят. А галоперидол отмените и сами здесь не работайте. Вы же наш человек. А у меня еще все органы болят.

ДОНТОР. Витя, ты себе меньше внушай болезней. Тебе одной хватит. А перестать тебя лечить – ты кого-нибудь убьешь.

ГОЛЕВ. Как это еще? Если я убил, так это волшебники велели.

ДОНТОР. Плохие твои волшебники. Что же они не подскажут, как тебя лечить.

ГОЛЕВ. Я здоровый.

ДОНТОР. Пусть помогут Зуева вылечить, Халявина, Аскинадзе, Мамедова.

ГОЛЕВ. А их лечи не лечи.

ДОНТОР. Эгоист ты, Витя. Возьми сигарету. Иди.

ГОЛЕВ. Я же не показал еще трехпулевое ранение.

ДОНТОР (*притворяется, рассматривает*). Ничего у тебя нет.

ГОЛЕВ. У вас глаза по-другому устроены, вот и не видите. (*Уходит.*)

ДОНТОР. Логично.

Раздаются звuni гармошки. Халявин поет: «Ой, полным-полна моя норобушна, пожалей, душа моя зазнобушна...» и снова одно и то же. Входит новый больной в сопровождении санитара.

ДОНТОР. Садитесь!

БАТЮНИН. Доктор, это свершилось – я здесь. И мы вместе с вами докажем осталь-

ным, что конец света не только наступил, но что уже и состоялся, прошел, мы и не заметили, что живем после конца света, что мы не люди, а нелюди. Докажем? Но о том, как я сюда попал, не скажу, это был мой расчет. Я исследовал сумасшедших на свободе, пора логически начать исследовать их в заключении, то есть здесь.

ДОНТОР. Здесь обычная больница.

БАТЮНИН. Только зарешеченная? Но это хорошо, пора отгораживаться от бесов. Прошу создать мне условия для моего труда, выставить охрану, так как мой труд волеется в труд моей республики. А моя проститутка где? А бумаги где? Отберете – вам же хуже.

ДОНТОР. Никто ничего у вас не отберет. Сейчас вас проводят в палату.

БАТЮНИН. Уводите. Мне как – руки за спину?

ДОНТОР. Можно и за голову.

БАТЮНИН. Да вы, кажется, с юмором... Может, еще вы мне и пригодитесь. (*Уходит.*)

САНИТАР. У него записки какие-то, будете смотреть? Жена его здесь, позвать? Но если вам некогда...

ДОНТОР. Позови.

Входит женщина неопределенного возраста.

ЖЕНЩИНА. Какой вы старый. И седой. И лысете. Седой – это красиво, седой бобер дороже, да? А я вот мужа довела, он говорит, и он меня довел. Тазепам горстями, валерьянку стаканами, никакого толку. А ревновал! У меня ни с кем ничего не было, ведь мы с вами только целовались, да? Но ему ничего не докажешь, он может и больницу поджечь, вы смотрите. А я психопатка, да? Но женщины на работе успокаивают, что я еще молодая, и мое решение одобряют и поддерживают, ведь иначе он убьет.

ДОНТОР. Простите, что у вас за бумаги мужа?

ЖЕНЩИНА. Дурость сплошная. С Львом Толстым спорит. Повести недописанные, за Пушкина, Лермонтова дописывал. Другие спят и гуляют по ресторанам

Рыбзасольщицы Курил
и Сахалина красными
от холода руками пытаются
снизить цены на сардины
и сардинеллы, а Саратов?!
А взять Астрахань,
а в Архангельске вообще
беспробудный народ! Пора
будить Дальний Восток!

и вида не теряют, а я что? Вот вы водите жену в ресторан? Не водите – дурной тон. А не будете водить – ей обидно. Ну, как я выгляжу? Еще ничего, да?

ДОНТОР. Да нет, все нормально.

ЖЕНЩИНА. Где уж нормально? Чего врать-то? Врать-то чего? Это вы больным говорите. А женщины у вас есть в отделении? Нет? Поглядеть бы, как с ума от любви сходят. Есть такие? Нет? Начинать с меня. А с жиру бесятся? У нас одна – чего не хватало? Муж тыщи таскал, все было мало, удавилась. Все смеялись. Муж мне говорит: я тебе тоже так подстрою. Он мне все время показывает разные веревки. Пойду в ванную стирать, там сверху висит веревка. Или показывают по телевизору удавов и змей, он говорит: смотри и запоминай. Это как вынести? А дочь меня продает. Он за мной бегаёт с топором, она уходит в кино и меня называет дурой. Она уже давным-давно не девушка. Как зубы почистила! А я как это перенесла? У вас дети есть?

ДОНТОР. Сын.

ЖЕНЩИНА. Это лучше. Хотя тоже на какую нарвется. Моей стыдно стало быть девушкой, немодно, несовременно. Весь Запад давно покончил с не-

вежеством, это как? Они, значит, передовые, ищут партнера сексуального совпадения, а мы отсталые. Так и умру без радости в постели. Да уж хоть бы в постели умереть, а не в петле. У меня матери не было, отца не было – в детдоме росла. Нас стригли наголо от вшей, дразнили, мы в одинаковых мешках-платях ходили, всегда голодные, всегда злые, ждали своей жизни. И дождалась. Я так дождалась, что и в петлю не надо загонять, сама залезу. А повеситься думаю на площади, где были митинги демократов, пусть любуются на свои плоды. Какое вранье кругом!

ДОНТОР. Вы меня извините, у нас приближается час борьбы за свободу.

ЖЕНЩИНА. У вас разрешено бороться за свободу?

ДОНТОР. Да. Каждый день. По одному часу.

ЖЕНЩИНА. Я тоже буду участвовать в вашем мероприятии. Приготовлю танец-призыв за освобождение населения от цепей демократии.

На сцене санитар, трубит в самодельный рупор, психи собираются, скандируют: свобода, равенство, братство, эгалите, либерте, фратерните!

1-й ПСИХ. Даешь планирование, летание, парение в воздухе без моторов, с помощью воздушных потоков!

2-й ПСИХ. А в Воронеже сплят! В Ростове сплят! Украина сплит беспробудно! Беларусь храпака дает! Прибалтика ладно, она на шведов ориентиры держит, хай сплит, но Поволжье дрыхнет, вот что преступно!

3-й ПСИХ. Рыбзасольщицы Курил и Сахалина красными от холода руками пытаются снизить цены на сардины и сардинеллы, а Саратов?! А взять Астрахань, а в Архангельске вообще беспробудный народ! Пора будить Дальний Восток!

(Это место может быть лицом к зрителям?)

САНИТАР. Всем встать! Оголиться для принятия укола. Нагнись.

Все нагибаются.

ДОНТОР. Болезненные, горячие уколы называют у нас «японская мама» из-за сопровождающего вскрика.

Психи все разом выпрямляются с возгласом «япона мама». Начинают прыгать. Музыка. Танец «свободы». Возглавляет его женщина. Ногда ванханалия заканчивается, на сцене лежит поэт Федор Турусин.

ДОНТОР. Каждый раз, когда заканчивается час свободы, на полу раздавленный, как таракан, лежит кто-нибудь из неприсоединившихся ни к кому. Федор Турусин – поэт, неприсоединившийся.

ТУРУСИН. Иваныч, разреши табачку, родителю помянуть. Хошь, политический анекдот расскажу? Выступает хор беременных женщин, поют: «Ленин в тебе и во мне». Ах, Иваныч, не повезло России с женщинами, податливы на пропаганду чуждых идей.

ДОНТОР. Федя, у меня работа.

ТУРУСИН. Твоя работа – твоя забота. *(Чихает.)* А какую горчичку мать моя разводила, хватанешь капелюшечку – и слезы льются, слезы льются из очей. А тятя сажал такой табак, куда там твоему. Вот чего большевики не дотумкали – табак запретить, чихать запретить. Чихнешь на все – и обновился. Не зря на Руси уважали чиханье. Будь здоров, говорили. А ты не сказал, не уважил.

ДОНТОР. Мало чихал. Давай еще.

ТУРУСИН. Ты что, меня за дурака принимаешь? В очередях, в автобусах, дома только и слышишь, как кричат друг другу: «Дурак! Псих ненормальный!» Кто тогда не дурак, когда каждого в его жизни называли дураком. Но кто называл? И почему дураки и особенно дуры лучше живут?

ДОНТОР. Не зная ответа на такие вопросы, я всегда уходил.

ТУРУСИН. *(Один. То ли молитва у иконы, то ли как заклинание.)* О, Боже мой, прости меня, живу я в мире, как свинья. Тело мое мою и наряжаю, а душу свою в ад провожаю. Чем же? Осуждением, блуждением, несправедным в мире хождением. Я, Федор Турусин, никогда перед бесами не трусил, в православную веру крестился, с бесами простился, пошел в мир обличать, администраты решили меня кончать. Дала мне власть копейку за труд, вот и поживи тут. Велели мне сделать такую замашку, чтоб я ел безбожную кашку. Ходили вслед за мной комсомолки, включали на всю мощь языкомолки, лица бесстыжие, волосы стрижены, груди голые, мысли комолые, сами лохматые, рогатые, дуры языкатые. Как их воспитать, мать не сообразила, сама безбожна, как тупая кобыла. Гореть вам в огне, живодристы, демократы и коммунисты. Сегодня двадцать пятое, среда, отойди от меня, беда, ибо мной управляет Христос, а не безбожный барбос. Научил барбос церкви ломать и чужих баб обнимать. А ты, дева, расти косу, не подчиняйся барбосу.

Пока читал заклинание, ему являлись бесы, то в женском облике, то в чиновничьих пиджанах, то в лохмотьях. И все это под бой барабана. Н концу собираются обитатели дурдома. У некоторых таблички с названием своего клуба или партии.

ДОНТОР. У нас в отделении создано много клубов. Конечно, главный из главных – это клуб КТТС – как только, так сразу. Например: как только грянет гром, так сразу мужик перекрестится; как только ставится вопрос, так сразу на него находится ответ. Можно и поразвернуть, можно целую цепочку событий, например.

ЗУЕВ. Как только к нам приезжал дядя Вася, так сразу отец бежал в магазин.

ГОЛЕВ. Как только дядя Вася поднимал третий стакан, он сразу запевал.

ЗУЕВ. Как только дядя Вася запевал, так сразу наша собака начинала выть.

ГОЛЕВ. Как только наша собака начинала выть, так сразу соседи говорили: к покойнику.

ДОНТОР. И покойник являлся.

Проходят с табличками члены клубов, скандируя.

НЛУБ № 1. Мы члены клуба любителей покойного сиамского кота Фени, весившего при жизни двенадцать килограммов и умершего при невыясненных обстоятельствах.

НЛУБ № 2. А мы члены клуба спокойствия жизни в ситуации психических потрясений. Наша программа испытана среди жизненных бурь...

НТО-ТО. В стакане воды.

НЛУБ № 3. А наш клуб производит награждение по случаю пробуждения умственных способностей. Наш наполеон самый лучший.

НЛУБ № 4. Представляем клуб конца света. Но главное в том, что мы против конца света, поэтому требуем не выключать в отделении свет всю ночь.

Проходит одинокий пан спортсмен.

ПАН СПОРТСМЕН. Я, пан спортсмен, сделал открытие, что луна похожа на олимпийский диск, а солнце – на олимпийскую медаль. Но еще более ужасное открытие подстергало меня...

Проходит агроном-правдолюбец, делает вид, что рубит дрова.

АГРОНОМ. Надо работать, а не мозги компостировать. Когда на газ перейдем, дровоколов будем сокращать. Но! Если пить будем, остатки совести пропьем. Нам не нужно красивое лицо, его проститутке барби подавай, нам нужна работа! Да день, да два, да три поколоть дрова, да всю жизнь, только так коммунизм построим. А портфели могут и старушки носить!

Врывается Батюнин.

БАТЮНИН. У меня только два слова. От первого заранее отказываюсь. Но как, скажите, братство психиатров, как относиться к тому, что закат солнца уже описан и сдан по описи вечно-сти, как?

ДОНТОР. И восход описан.

БАТЮНИН. Тогда организуем фирму: «Машка на севере, Машка на юге» или короче: «Вани и мани-мани», а? Доктор, у меня аннексировали, то есть свистнули сверхавторучку. Нажимаешь кнопку – пишет сама по заказу и по погоде и обстоятельствам. В конце каждой главы герой прыгает с парашютом. При этом полковники в автобусе поют: «У нас в подразделении хороший есть солдат, пошел он в увольнение и пропил автомат».

ДОНТОР. Вы говорили, что у вас только два слова.

БАТЮНИН. Я только начал! Включаю описание черного пуделя, пришедшего на встречу с кандидатом демократов, и описание того, как кандидат перелаял пуделя. Доктор, а чем плохо описать, как везли товарные составы: один мясо, другой вино, вместе пришлось стоять. Началась дружба. Пили и ели за красный цвет светофора, и это здорово получалось, ибо красен был сок изабеллы, красны руки мясников, краснели глаза поутру с похмелья! О, как великолепно песня на слова мясокомбината и музыку спиртзавода. И вот, доктор, вдоволь и мяса, и вина, а все не проходит голод на героя нашего времени.

Появляется йог Витя.

ДОНТОР. Вот тебе герой – йог Витя из Рязани. Какой он герой? Интересен только тем, что из Рязани. Зачем Вите из Рязани йога? Витя, вспомни предков, они на голове не стояли, и в России все по дурацки не шло, пуп не рассматривали, а с утра на пашню,

Любящей женщине всегда
веселее смотреться
в лысину любимого, нежели
в одинокое зеркальце.
И вот жена видит, что
врагинь у нее – весь
женский мир, что умри
она – ее мужа захоронят,
что бобыль один на
миллион, что на ее кухню
может прийти какая-то
мерзавка и так далее.

за серп, за топор, за тяжкий молот.
Тут йоге слабо справиться.

ВИТЯ. Харе Рама, Харе Кришна, Харе, харе,
харе...

БАТЮНИН. И чего ты со своей харей достиг?

ВИТЯ. Отрешения.

БАТЮНИН. От чего?

ВИТЯ. От жизни. *(Садится в позу, например,
лотоса.)*

БАТЮНИН. Витя, хлеб дорожает. Витя, детей
кормить нечем.

ВИТЯ. Отойди от меня, образованец. Я ме-
дитирую.

БАТЮНИН. Витя, не занимайся рерихоедством.
Рерих делал из религий сборную
солянку, а твои махатмы, Витя, очень
радовались гонениям на правосла-
вие! Махатма Ленин очень им подхо-
дил.

ВИТЯ. Доктор, вы за?

ДОНТОР. Иди размышляй. Иди, иди.

ВИТЯ. Иду, доктор. Запомните, есть такие
дураки, что туфлю у Папы Римского
целуют! Размер не знаю.

ДОНТОР. Продолжим исследования случаев
отклонения от нормы. Естественно,
что я, русский врач, изучая русских
больных, сравнивая их с другими,

вижу, что национальное влияет
на психику. Скажи кому угодно, что
живет как-то не так, разве поверит?
А русский: «А, считаете, что живу не
так, я и буду жить не так. Не вери-
те, что живу честно, надо мне для
вашего оправдания подворовывать –
ворую. Не доверяете – домыслим.
Хотите еще сильнее обгадить – по-
можем, сами на себя что угодно
наговорим». Вернемся, друзья, в клуб
друзей разума.

ХАЛЯВИН. Давайте поставим гоголевский
вопрос о докуда доехании колеса на
уровень вопроса: докуда дойдет че-
ловек? До областной администрации
дойдет?

ЧЛЕНЫ КЛУБА. Просто-запросто.

ХАЛЯВИН. А до Белого дома?

ЧЛЕНЫ КЛУБА. Элементарно.

ХАЛЯВИН. А до другого белого дома?

ЧЛЕНЫ КЛУБА. Можно.

ХАЛЯВИН. До Северного полюса?

ЧЛЕНЫ КЛУБА. Двухголая тварь дойдет куда захо-
чет.

ХАЛЯВИН. А вот вопрос: докуда не дойдет чело-
век?

Члены клуба молчат.

ХАЛЯВИН. Ответ такой: Человек не дойдет до
самого себя.

ЧЛЕНЫ КЛУБА. Почему?

ХАЛЯВИН. Кишка тонка.

Члены клуба надолго задумались.

ПАН СПОРТСМЕН. Мужчины живут меньше женщин.
Вот свидетельство: все безутешные
вдовы любят своих покойных мужей.
Тогда зачем же они загоняли их
в гроб?

Члены клуба зашумели.

ПАН СПОРТСМЕН. Не надо криков, разберем-
ся спокойно. Срок жизни мужчин
сокращается специально вот почему.
Мужчина способен влюбляться до
седых волос, даже до лысин. А что
лысина? Любящей женщине всегда
веселее смотреться в лысину люби-

мого, нежели в одинокое зеркальце. И вот жена видит, что врагинь у нее – весь женский мир, что умри она – ее мужа захоровадят, что на ее кухню может прийти какая-то мерзавка и так далее. К этому сроку муж ее, как и другие, уже беспомощен во многих отношениях: за ним стирай, ему подавай, ему напоминай, он зависим от жены полностью. До жены доходит – не от меня он зависит, а от обслуги, от женщины вообще. Нет, лучше любить его мертвого, но принадлежащего только ей. Теперь вообразите эти истерики, эти сцены ревности, эти припадки усталости и болезней, эти упреки и подозрения. Они слона в могилу загонят, не только мужчину. Подымите руки, сколько в нашем клубе экземпляров сбежавших от своих половинок не в могилу, а в дурдом?

Все поднимают руни, два не подняли.

ЗУЕВ. А Турусин почему руку не поднимал?
ТУРУСИН. Мне жена руку сломала.

ЗУЕВ (*соседу*). А ты почему не голосуешь?
БОЛЬНОЙ. Жена не велела.

АГРОНОМ. А все-таки почему все идет по дурачки?

ГОЛЕВ. А потому, что все только для себя умные.

АГРОНОМ. А я считаю, что ум и деньги – близнецы-братья.

ХАЛЯВИН. Нет, для умного дело не в деньгах.

ЗУЕВ. Значит, умные здесь, у нас, у нас же нет денег, мы все вопросы решаем бесплатно, это не госзаказ, не хоздоговор, не аренда, не подряд, плата не аккордна, вообще платы нет.

Халявин играл на гармошке и пел одну фразу: «Ох, полным-полна норобушна...»

ДОНТОР. Мои больные отлично знают, что, во-первых, они совершенно здоровы, что, во-вторых, это весь мир сошел с ума, поэтому они ушли из мира,

чтоб хоть кого-то сохранить нормальным.

Входит санитар с бутылкой то ли ленарства, то ли еще чего.

САНИТАР. А ну, кому тут не нравятся реформы?

Все достают по целлофановому мешочку, и санитар наливает им из бутылки.

САНИТАР. Диктую манифест. Всем записывать! И не думайте, что ветер называется западным, если он дует на запад. Пишите. Мы, поднимающие голову от подушки веков и еще не сообразившие, где мы находимся, торжественно проклинаем все причины, ведущие к выпивке, мы освобождаем все праздники от хмельной окраски, крестины и поминки, встречи и проводы, печали и радости, отвальные и причальные, закуранные, стремянные и закордонные, авансовые и зарплатные, банные и ваннные...

ВСЕ ХОРОМ. Лучше быть нематым, но трезвым!

САНИТАР. ...Проклинаем выражение уважения чужой родни к родной родне посредством опять же выпивки, клеймим позором обмывки диплома, аттестата, свидетельства, удостоверения, сделки, премии, гонорара, договора, клеймим любой возглас, подстрекающий к пьянке, типа... (*Дирижерски взмахивает руками.*)

ВСЕ ХОРОМ. Что-то стало холодать, не пора ли нам поддать. Ручки-ножки стали зябнуть, не пора ли нам дерябнуть. Не раскинуть ли умом, не послать ли за вином... Не послать ли нам гонца за бутылочкой винца?

САНИТАР. (*Продолжает речитатив.*) ...Проклинаем все места, подстрекающие к выпивке: гаражи, забегаловки, пивные, рыгаловки, стоячки, стекляшки, теплушки и вагоны, все места, где расстилаются обрывки газет, на которых лежат две помидорки, кусочек сыра и кусок хлеба, а посудина ходит по кругу. 0, лужайки, обрывы, откосы, скверы,

усеянные пробками, – горем взошли они по русской земле. И тебе проклятие, колченогий стол, что не сломался под пагубной тяжестью ядовитых жидкостей, этой людской погибели, и ты, крахмальная ска-терть, сволочь такая, захвати с собой все градусное питье, подними в поднебесье, да на радость всего люда шибани его оттуда! Проклятье, вам, винные, водочные, коньячные этикетки, вы, как лаковые прости-тутки, раздели и разули многие семьи, отняли у взрослых разум, а детям его даже и не дали. Какие вы названия загребли себе?

ЧЛЕНЫ НЛУБА. *(По очереди выкрикивают.)* «Золотое кольцо», «Русская тройка», просто «Русская», «Молодецкая удаль», «Дымка», «Завалинка».

САНИТАР. Постыдились бы!..

ЧЛЕНЫ НЛУБА. «Аромат степи», «Утренняя свежесть», «Вечерний свет».

САНИТАР. Верните, собаки, имена, не вам их носить.

ЧЛЕНЫ НЛУБА. «Арарат», «Молдова», «Букет Абхазии».

САНИТАР. Вам нужны другие клички.

ЧЛЕНЫ НЛУБА. «Мертвецкая», «Запойная», «Анти-русская», «Кровь гадюки», «Бешеная желчь», «Свиная отрыжка».

САНИТАР. Проклинаем тебя, закусочная еда, вызывающая желание залить себя отравой винного пойла. Ты, килька – «Хор Пятницкого», сестры Федоровы, вы, лосось и семга, колбаса и шпроты, сыр голландский, даже мануфактуру проклинаем, ибо доходило у нас до занюхивания рукавом.

Но признаемся в финале: виноватее всего мы сами. Никто нам в рот воронку не наставляет и насильно не льет. И руки сами – отсохли бы за это. Оттого-то все в нашей голове мокрое, вином притоплено, залито, запущено, хлюпают в ней редкие мысли, рождаются и тут же захлебываются... Записали?

ЧЛЕНЫ НЛУБА. Записали.

САНИТАР. А вы, доктор, записали?

ДОНТОР. Записал.

САНИТАР. Тогда налейте. Иначе мне полный шандец!

ДОНТОР. Наши клубы-клубки-клубочки, которые стояли на разных политических платформах, сразу же образовали единый и нерушимый клубок, как только в отделении появился иностранец.

Звучит музыка, и на сцену выходит Иностранец.

ИНОСТРАНЕЦ. Россия лучше всех! Я говорил это всем и везде!

ГОЛЕВ. Ну вот, за это и замели...

БАТЮНИН. Но ведь ты никак не мог идти по делу великодержавного шовинизма, ты же не русский.

ИНОСТРАНЕЦ. Увы, как раз я заболел оттого, что русские не хотели меня слушать. Я им говорил, что вся Европа построена на русское золото, мне отвечали: ну и что. Я говорил, что вся мировая наука движется открытиями русских ученых, мне говорили: да и плевать, пусть движется. Я говорил, что вся мировая философия идет в русле, предсказанном русскими философами, русские пожимали плечами и говорили: ну это же естественно. Я тогда кричал: ну где же ваша гордость? Мне отвечали: а зачем? Тут заболеешь. А вы примите от меня большое огромное русское спасибо.

ЗУЕВ. За что?

ИНОСТРАНЕЦ. За то, что вы меня выслушали.

ВСЕ. Большое огромное русское всегда пожалуйста.

ИНОСТРАНЕЦ. Представьте госбюджет России. В этот бюджет острым углом врезается пирамида госадминистрации и прорезает госбюджет, делая в нем множество отверстий, через которые госбюджет начинает утекать. У каждого отверстия сидит по чиновнику, а под ним подчиненная ему система, чиновник, стараясь побольше отхватить на свою систему, старается разодрать свое отверстие пошире, чтобы из бюджета на него хлынуло побольше дотаций.

ХАЛЯВИН. Каково? Если кто-то что-то понял, я рад за него, сам я – пас.

ИНОСТРАНЕЦ. Послушайте! В России все есть: нефть, золото, бриллианты, алмазы, уголь, руда, любые недра! Русские люди необычайно трудолюбивы и искусны в любой мастерстве – хоть блоху подковать, хоть что! Любое русским по плечу. Согласны?

ВСЕ. Ну?

ИНОСТРАНЕЦ. Но почему же вы живете хуже всех?

ЗУЕВ. А не хотим. Нам и так хорошо.

ИНОСТРАНЕЦ. Тогда я не знаю, что сказать...

БАТЮНИН. И не говори.

ИНОСТРАНЕЦ. Но послушайте. Мне вас жалко. Кто только не живет за ваш счет, сколько паразитов плодится и жиреет на русской земле...

ГОЛЕВ. Да и пусть.

ИНОСТРАНЕЦ. Как пусть?!

ГОЛЕВ. А гореть им в огне.

ИНОСТРАНЕЦ. Но до того, как они попадут в адский огонь, они вдоволь наиздеваются над вами. Все испытано на русских: обман, стравливание, запугивание, грабежи, и вы терпите. Неучи, унтеры и вахмистры, конники, пьяницы и мародеры, зятя и мужа масонской мафии правили вами, и вы терпели. Вы и сейчас терпите oprичников и палачей...

АГРОНОМ. Это уж ты через край.

ИНОСТРАНЕЦ. Надо куда-то звать народ!

ПАН СПОРТСМЕН. Плюнь. Не мучайся, не разоряйся.

БАТЮНИН. Пойми, в любых переворотах гибнут лучшие. Они пожираются все теми же прохиндеями, которые повсюду и повсеместно. Приходит время понять, что с Россией все будет в порядке.

ТУРУСИН. Россия – солнце судьбы нашей, как ни заслоняй, неостановимо. Сиди и грейся.

ИНОСТРАНЕЦ. Что вы молчите о главном событии последних веков – о гибели России? За это молчание будет возмездие! *(К Доктору.)* Доктор, вы видите, они меня не понимают. А ведь ко мне пришел Вольтер и говорит: «Бог нужен как узда для простого народа». А я же простой народ, он надел на меня узду, я и заржал. *(Начинает ржать.)*

ЗУЕВ. Ты не в конюшне. Еще овес жрать начнешь.

ИНОСТРАНЕЦ. Вот видите, Доктор.

ДОНТОР. А сам Вольтер в узде приходил?

ИНОСТРАНЕЦ. Во фраке. Но без спины. Когда уходил, повернулся – спина голая. Они же, иностранцы, экономят на материи, хоронят в покойницкой спецодежде...

ЗУЕВ. Слышь, иностранец, давай драться по-иностранному.

ИНОСТРАНЕЦ. Как это?

ЗУЕВ. Рессорами от «тойоты»...

ДОНТОР. Этот эксперимент я не разрешаю.

БАТЮНИН. Вы не имеете права запрещать. Вот если бы вы были начальник повыше.

ДОНТОР. Где повыше?

БАТЮНИН. Повыше. *(Показывает на потолок.)* А впрочем, сейчас будете повыше. Начали!

Психи вооружаются простынями и начинают обматывать Доктора.

БАТЮНИН. Есть четыре момента любого явления: притяжение, отталкивание, скручивание и совокупность. Проверим бесспорность этого положения.

Подтягивают Доктора к потолку, и он начинает летать.

ДОНТОР. Замотали! Замотали! Ну, да и ладно. Все равно уж скоро ночь. А ночью на тебя наплывают мысли и изображения телевизионного экрана.

На сцене появляются существа мужского пола во фраках с рогами и в лаптях. Тут же существа женского пола, длинноволосые, с крыльями бабочек и с набедренными повязками. Идет то ли танец, то ли пантомима.

ДОНТОР. Если бы деды встали из гробов, они не поверили бы, что я говорю о России. Решите краткую задачу. Ее условие: ты включаешь телевизор и ни по одной программе не видишь ни одного русского лица. Вопрос: в какой стране ты находишься? В России?

Надо бороться, надо добиваться прав. Даешь правовое государство бесправных граждан! Ура! Правами по бесправию! Да здравствует сила права, переходящая в право силы!

Да, ответ правильный, в России. Именно в России, где культ денег был презираем, деньги стали на первом плане, желтый дьявол уже не только машет хвостом, но и все пожирает: семью, общество... В России стало не стыдно «зарабатывать» деньги порнографией, развратом, грабежом, спекуляцией, мало того, в России оказались чиновники правительства, поощряющие взяточничество, пошлость, насилие. Усилилась агрессивность, развивается цинизм, человек не надеется больше на государство. У нации нет духовных лидеров, а если есть, их не слышат.

Ванханалия продолжается.

ДОНТОР. Убивается национальное своеобразие: национальная русская музыка, костюм, кухня, национальный орнамент, угасли песни и сказки; былины, пословицы и поговорки больше не помогают, ибо забыты как легенды. Остались пошлые анекдоты, политические, развратные и к тому же опошляющие русскую нацию. Русских все меньше и меньше.

Ванханалия продолжается.

ДОНТОР. Среди бесовских методов обработки русской психики главная роль

отводится оружию слова. Когда читаешь на свежую голову все эти издания «Всхлипгазет», «Столичных сексомольцев», провинциальных «Наблюдателей», всяких обозрений, то диву даешься обилию злобы на все русское.

Ванханалия продолжается.

ДОНТОР. Бесовское оружие проявляет себя и в парламентских дискуссиях. Выступления депутатов полны страсти, борьбы за счастье народное, дело доходит до драки, кипит работа. За неделю принято десять законов, в следующую двадцать – и что? И где те законы, и кто их выполняет, и где то счастье народное, где тот народ?

Ванханалия продолжается.

ДОНТОР. Православие считает свободой способностью человека бороться с пороками, бесы же внушают мысль, что свобода – это делай то, что хочется. Пришла свобода, свобода жулью, вору, мафии любой окраски. Тебя очень свободно бьют по голове и плакать не дают. Какой сейчас общественный строй? Социализм? Капитализм? Сейчас сволочизм.

ОДИН ИЗ БЕСОВ. Почему же русский человек не стряхнет со своих плеч бесовских слуг?

ДОНТОР. Потому что они в натуральном человеческом, доброжелательном обличье. А русский всегда приходит на помощь к кому угодно, только не к своим родным и ближним.

ДРУГОЙ ИЗ БЕСОВ. Ну скажите же, скажите, господа, ведь это исторически справедливо, то, что русским нужно выпить чашу страданий малого народа. Не так ли?

ЕЩЕ ОДИН БЕС. Так ли, не так ли, перетакивать не будем. Русские – малый народец-с.

ДОНТОР. Как тут остаться спокойным? Русские все принимают близко к сердцу, их легко вывести из себя, а бесы, используя доверчивость русских, все

подбрасывают им новые бессмыслицы под видом важных проблем, здравых идей.

ОДИН ИЗ БЕСОВ. Надо бороться, надо добиваться прав. Дашь правовое государство бесправных граждан! Ура! Правами по бесправию! Да здравствует сила права, переходящая в право силы! Усе на митинг!

ДОНТОР. Только русское терпение можно испытывать безгранично. Но уже и терпение наше плохо нам помогает. Русская психика измотана и подавлена, раздражена и воспалена. В переводе на состояние отдельного человека это означает слабость, вялость, апатию, быструю усталость, чувство одиночества, обиду, что некому за тебя заступиться.

БЕСЫ. Подчиняйтесь нам, мы заступимся. Кланяйтесь, кланяйтесь нам! Будьте счастливы. Мы умеем заботиться о своих рабах.

ДОНТОР. Борьба с бесами есть и очень эффективна: надо делать свое дело и не обращать на них внимания. Негодяев не переделывать, отойди от нечестивца! Русских спасает прошлое, у бесов только настоящее. Наши святыни нетленны, их в грязь не втоптать. Святая Русь – не пустые слова, она в душе нашей.

ОДИН ИЗ БЕСОВ. По какому праву вы говорите от имени русского народа?

ДОНТОР. А по такому, что я – русский, вот и все.

Ослабляются, опускаются веревки, которыми он был связан и подвешен, развязываются, Донтор среди бесов.

ТУРУСИН (*появляясь со стремянкой, раздвигая ее, на нее залезая*). Доктор, поднимайтесь ко мне. Воспаряйтесь над бездной, над делателями беззакония. Ума у вас нет на простые вещи. Разве можно масонов, как тараканов, выморозить? Масоны же не тараканы, они, скорее, клопы или блохи. Вымораживанию не поддаются. Скорее, тут подойдет прожарка, но масоны

в основном из жарких стран, привыкли потеть.

Оба сидят вверху.

ТУРУСИН. Поговорим об эстраде. Почему так всегда у наших юмористов: как дурак, так русский? Пьяница, бюрократ – Иванов. Но русское пьянство – это вид протеста против тех же масонов, тех же демократов, тех же коммунистов. Впасть, так сказать, в анабиоз и переждать два-три столетия, пока воздух над Россией не очистится. Кстати, наши писатели могли бы вполне называть своих героев по фамилиям легко читаемым, например: Усрадзе. Или Асратиани. Или Потаускас. Или Пододрищенко. Или вообще Засратишвили. Они же обидятся. А обидятся – мы скажем – это художественный образ, это на память о тупом доценте Петяеве, так ведь, доктор?

ДОНТОР. Спи. Спи. (*Спускается на уже опустевшую сцену.*) Ох, заизвестковался скелет, закостенело сердце...

ТУРУСИН. До третьих петухов буду спать, как петух на насесте, чтоб утром своим петушиным криком разбудить Россию. (*Подремав секунду, вздрагивает.*) Нельзя спать, а то ночь не кончится. Запела курица – к несчастью. Примета древняя, как мир. Россия режется на части, как режут вздорожавший сыр. Прибалты отслоились и бендерцы, кавказцы, западенцы и кайсаки. Нам показали, где зимуют раки партакратийцы и эсэсэерцы... Закончится взаимным грабежом, царапайте на радость интервентам, к нам вместе полупьяным президентам ворвалась демократия с ножом... С ножом в руках и нож на голенище. Чего и ждать – забыли христианство. Погибнет Русь, останется пространство, или, верней, большое пепелище... Нам бочку арестантов наболтав, ушли по фондам Мишки и политики – от коммунизма сломанные винтики, заржавленные шляпки от болта...

Последний век, его совсем немного, разграблена Россия и пририта. Тела русских вымостят дорогу, чтоб сатане пройти со свитой. «С вещичками!» – командует сержант какой-то армии китайско-европейской. Пойдем все дальше вниз по этажам, пока язык не вспомним арамейский... *(Встряхивается, бьет себя по бокам, как петух крыльями, кричит.)* Ку-ка-ре-ку! *(Прислушивается.)* Проста наша жизнь, как полет червяка, кончатся веком двадцатым века... *(Еще прислушивается.)* Заметки горестные пишет идиот, как новый Геродот упрям и светел. Настало двадцать первое столетие, и мы дрожим от страха у ворот. *(Снова кричит по-петушиному, психи выбегают на зарядку.)*

ДОНТОР. По росту, по интеллекту, по количеству извилин, по скорости соображения... становись!

ПСИХИ. Меня сегодня послушайте! Меня! Всех послушать!

СЕНЯ. Никого слушать не будем, только меня, Сеню Ганзу. Дискуссии кончились, началась демократия. Валютные дела начались. В первой палате вводим денежную систему ежиков. Получите. Вторая палата получите назербайки, третья будет жить на деньги с изображением галушки в сметане.

Все (охотно!) разбирают деньги: даром дают.

БАТЮНИН. Сеня, зачем разбивать единую денежную систему? Уважающее себя государство не разрешает чужим деньгам входить на свою территорию. Какой золотой запас у галушки и назербайки? Нас же мгновенно слопают доллар.

ТУРУСИН. Вначале Сеня слопают.

СЕНЯ. Где корыто? *(Приносят.)* За понимание сложности процесса демократизации денежного обращения вы, Турусин и Батюнин, награждаетесь (достаёт медальки, сделанные из алюминиевых ложек) орденом номер

один больницы номер один с нулями. *(Прикрепляет награды.)*

БАТЮНИН. Все очень мудро и правильно, только нужно открыть обменный пункт валюты.

СЕНЯ. Граждане, если все будете понимать и поддерживать наши реформы, то каждый из вас, из этого корыта получит орден или, на худой конец, медаль. Здесь и льгот всевозможных у меня тоже много.

ТУРУСИН. А звания у вас есть?

СЕНЯ. Какое хочешь?

ТУРУСИН. Хочу быть народным поэтом.

СЕНЯ. Вот тебе удостоверение всенародного поэта палаты №... Цифру сам поставишь.

ЗУЕВ. Тебя не только народ, тебя на твоей улице не знает ни одна курица.

СЕНЯ. Не нужно завидовать, Зуев. Тебе тоже медаль положена. Доволен? Да плюс тебе льгота – дышать у форточки.

ВСЕ. А нам, нам осталось что-нибудь в корыте?

СЕНЯ. Не волнуйтесь, в нашей больнице наград и званий никто не избежит, все получают – одни за услуги, другие за выслуги, третьи за обслуги. Все получают по заслугам. А сейчас все дружно поддержим мои реформы. Для начала приватизируем туалет.

Двое психов вносят нужник, красиво отделанный, открывают дверь.

СЕНЯ. Вот туалет. Помните, какой он был?

ВСЕ ПСИХИ. Войти было нельзя.

СЕНЯ. А теперь – после моей приватизации? Стекла вместо фанеры, полотенца, чистота, цветы, запах ночной фиалки.

Все рванулись к туалету.

СЕНЯ. Всем стоять. Вход будет платный. Деньги вам выданы. Интеллигенты среди вас есть?

ПАН СПОРТСМЕН. Я недавно стал. Им. Конкретно.

СЕНЯ. Сядешь у входа, будешь собирать валюту. Жулики есть?

ГОЛЕВ. *(Вытаскивает вперед Халыгина.)* Вот он, когда в карты играет, жульничает.

все за гранью. Грань есть, нищета есть, недоедание и недосыпание, но бывало хуже, хотя и реже. Вытерпим! Ну, хором! Три, четыре!

ВСЕ КРИЧАТ. Вытерпим! Вытерпим!

ХАЛЯВИН. Мы не братья по разуму со всеми, мы братья по несчастью! Дождь падает с неба, чтобы заразиться на земле. Будущее спасет не цивилизация, а сострадание и самоограничение. Самодостаточность – это самообольщение. Молиться и вверять себя в руки Божии, Он направит. Растворить свою волю в судьбе. А наше дело – сокращение потребления, ограничение потребления, внимание ко всем, требование к себе. Если эти несколько фраз выучить и исполнять, то мы спасемся. Повторить?

ВСЕ. Не надо. Мы уже записали!

ХАЛЯВИН. Скажу иначе: люди или ничего не делают, или делают какую-то ерунду, лишь бы не жить. А что такое жить?

ВСЕ. Что?

ХАЛЯВИН. Готовиться к смерти.

ВИТЯ. Но ведь готовиться к смерти можно ничего не делая. Готовься не готовься...

ХАЛЯВИН. Ничего неделание или чтотоделание не есть подготовка к смерти, надо уметь покаяться.

СЕНЯ. Тогда надо грешить, ибо не согрешивши не покаешься.

ХАЛЯВИН. Мы уже столько нагрешили, что страшно представить.

ЗУЕВ. Наш путь иной, наш путь в тоске...

ХАЛЯВИН. ...Чур, не в безбрежной!

ЗУЕВ. Но вот ту же Америку зачем догонять?

Глупо догонять. Ну-ка, россияне, взгляните из-под ладони, как Илья Муромец, кто там маячит, кого там догонять? Никого там нет, голое пространство. Мы впереди всех, давно впереди. Давным-давно. От того на нас злоба лютая, от того и шипение – сами ничего не могут сочинить и изобрести, кроме порнографии и предметов роскоши, вот и твякают. Это они, кстати, изобрели дезодоранты, ибо потеют сильно и пахнут мерзостно, и чтобы не было противно рядом с ними стоять, себя часто опрыскивают.

БАТЮНИН. Это легкое дело – кого-то обвинять в русских бедах, сами хороши. Над нами издеваются – терпим, за людей не считают, соглашаемся и так далее. Оно, конечно, не перед кем оправдываться, кому мы скажем, что мы лучше всех, что от нас зависит спасение мира, что если Россия погибнет, то остальные погибнут автоматически. Так что нас не ругать, а беречь надо. Кому это скажешь? Москам и шавкам, которые за штаны цепляются?

АГРОНОМ. Главное, что говорят о перестройке ее прорабы, ее первоапрельские августята, говорят, стискивая зубные протезы: Россия к демократии не готова. Это они говорят, естественно, с ненавистью, но мы скажем: никогда и не будет готова, вы со своими мондиализмами шахеры-махеры танцуете, туфли папские лобызаете, Россия вам никогда не поддастся, ее вам никогда не покорить.

ПАН СПОРТСМЕН. А демократов не переделать!

АГРОНОМ. И не надо. Горбатого ставь к стене, все равно будет горбат, все равно не выпрямится.

ИНОСТРАНЕЦ. Например, Россию грабят. Что же Россия молчит?

ВИТЯ. Потому молчит, что грабят материально. Грабьте. Кошка скребет на свой хребет.

ТУРУСИН. Я человек довольно мирный, но если мне в шестом часу не поднесут стакан имбирной, я все тут на хрен разнесу.

СЕНЯ. Я говорю своему внутреннему «я»: поешь. Мне мое внутреннее «я» отвечает: «Я уже поел». И хотя я знаю, что я еще не ел, но я верю своему внутреннему «я».

АГРОНОМ. Есть сажатели, а есть копатели, а ты тут со своим «я». Сажатели сажают, копатели копают, никаких внутренних «я». Меня за раздвоение личности дед еще в детстве выпорол. «Наноси воды в баню». Я отвечаю: «Мое внутреннее “я” хочет идти на речку». За это порют, рыжий! Что внутренний, что внешний, что с того? Мы, знайте все, мы

промукали Россию! Кто не согласен?

ВСЕ. Так и есть. Все согласны.

АГРОНОМ. А как жить дальше?

ЗУЕВ. Как? По уму будем жить.

ИНОСТРАНЕЦ. Но это же неправильно. Как можно надеяться на свой слабый разум? Наша вина именно в том, что мы сами решали, как жить. Так? И тут нам навязывали образ жизни. Вы же видите, что теми, кто нами управляет, управляют те, кто ненавидит Россию. Я пришел сюда именно из-за того, что здесь царство души, здесь психика, здесь душевнобольное братство. Болит русская душа? Болит. За все болит, за весь Мир.

БАТЮНИН. Именно так! Там (*жест в зал*), за забором, царят дикие нравы, там произвол мысли. Мысль – оружие, оно наращивает мощь, но с ним можно сразиться. Мысль бессильна перед верой. Программа уничтожения России не должна перейти в программу самоуничтожения. Предлагаю нарастить забор как можно выше, желательно до неба, чтобы к нам проникали только небесные вести.

ВИТЯ. Нет! Забор до неба – это напоминание Вавилонской башни. Предлагаю углубиться в гору разума, наделать в ней пещер и тоннелей, там жить. Изредка выходить, чтоб узнать, жив ли еще гомо сапиенс?

ТУРУСИН. Пришли иные времена, цветет родная сторона. Но люди все еще живут во глубине сибирских руд.

АГРОНОМ. Нет! Мы должны плыть на нашем корабле вперед.

Переворачивают стол, он становится плоскостной. Ное-кто залезает в лодку, остальные ее расканивают.

АГРОНОМ. Мы поплывем во вселенском просторе. Русский корабль пойдет верным курсом. Но хотят нас взять на бордаж, налипли со всех бортов, пищат, лезут к штурвалу, набились во все каюты, только в машинное отделение ходить не любят, там мы работаем,

масоны солярки боятся, от ее запаха им дурно.

ТУРУСИН. А мы в ихние дезодоранты солярки добавим.

АГРОНОМ. Отчаливаем! Спасение будет идти изнутри России или ниоткуда!

ВИТЯ. Бога не забывай!

ИНОСТРАНЕЦ. На Бога надейся, а сам не плошай! И это, однокорытники вы мои, очень божественная пословица. Самим надо шевелиться.

АГРОНОМ. Россия всегда стоит на краю пропасти.

ВИТЯ. Мир проваливается в пустоты, оставленные христианством.

СЕНЯ. В серебре и золоте завелись жучки, поедающие и то и другое. Жучки-железники прожорливые, в серебре и золоте появляются дырки, как в российском сыре или как в старой мебели.

ПАН СПОРТСМЕН. Культура погибла от самоневенности и объедена политиками.

БАТЮНИН. Все реформы в России заканчиваются умножением числа чиновников.

ИНОСТРАНЕЦ. Все революции в России были антирусскими.

ТУРУСИН. Тогда зачем, скажите, люди, если так живет народ, по долинам и по взгорьям шла дивизия вперед?

Входит санитар.

САНИТАР. Стоп! Накатались? Нараскачивались? На берег!

ПАН СПОРТСМЕН. Какие мероприятия нас ожидают?

САНИТАР. Посидим поокаем. Каждому по горсти семечек... Пошехонцы налево, суперпошехонские или просто вятские – направо.

ПАН СПОРТСМЕН. Что делать будем?

САНИТАР. Выяснить, кто из вас дурее, кто пошехонистее.

ЗУЕВ. (*Выходит на середину, напротив него выходит Голев.*) Ну че, вятские, звоните лаптем в рогожный колокол.

ГОЛЕВ. Для кого звонить? Для вас? Да вы родимые пятна с мылом отмываете.

ЗУЕВ. А вы не отмываете и на мыло даже не зарабатываете, лодыри! А мы

и в Москве бывали, а вы Москву только со своей сосны выглядываете.

ГОЛЕВ. Мы на сосну не для выглядывания лазим, а чтоб вас повыше быть.

ЗУЕВ. А вы толокном воду в проруби замесили, лаптем мешали.

ГОЛЕВ. Зато толокно едим, а вы с жадности теленка с подковой съели.

ЗУЕВ. А вы корову на баню затаскивали траву обедать.

ГОЛЕВ. Сильные, значит. А вы впятером блоху не задавите, такие смелые.

ЗУЕВ. А вы такие хватские, что на полу сидите и не падаете, на возу стоите и вас одного всемером не завалишь, а пьете! Специально зарплату за полгода копите, чтоб за день пропить.

ГОЛЕВ. И где вас, таких умных, делают, мы еще десяток закажем.

ЗУЕВ. А вас и заказывать не надо, вас из одного яйца можно десяток высидеть.

ГОЛЕВ. Где ты яйцо с цистерну видал?

ЗУЕВ. В виртуальной реальности. В общезитии интернетском. А спал у интернета в интернате. Проснулся – вы уже вылупились. Вишь какие, яйце-головые.

Халявин играет на балалайке
«Ой, полным-полна норобушка».

ХАЛЯВИН. А кому тут не нравится русская народная музыка?

БАТЮНИН. Живете вы, вятские, вроде в русском месте. Хоть и мелкая, а река, хоть и редкий, а лес, вроде лица русские, а глядишь на вывески – все какое-то псевдонимное, вроде как прячетесь. Скрываетесь под именем пламенного большевика, в Вятке не бывавшего, слова доброго о ней не сказавшего, чекистов за злодеяния воспевавшего, зад вождя лизавшего... Почему такая неустройка?

АГРОНОМ. Кабы от вашей топонимии хлеб подешевел хоть бы на копейку, мы бы подумали.

БАТЮНИН. Так Вятка же, Вятка, слово ласковое, самое русское, на язык просится. Как же можно, прости Господи, жить в имени кого-то, в какой

части. Живу в Кирове. Где – в желудке, а? А? Уж хоть бы Костриков, а то партийная кличка, вроде пахан какой.

АГРОНОМ. С трибуны не слезал, трибуном прозвали. Тоже кличка. Трибун.

БАТЮНИН. Трибунов этих уж скоро и знать не будут.

АГРОНОМ. Нет, не скоро. У нас и поляки были, и латыши, и евреи были, все нас уморазуму учили, сами темные, дак.

БАТЮНИН. А я думаю, они умнеть сюда приезжали.

АГРОНОМ. Ссылали их.

БАТЮНИН. Ну да. Чтоб поумнели.

ГОЛЕВ. Чтим память ихнюю, про всех сосланных по сколь книг написали, сколь лесу на бумагу извели, очень мы чужих уважаем, очень.

ХАЛЯВИН. Ежели же кто из своих, вятских, высунется, мы его быстро за штаны стянем – не смей, не по разуму берешь, сиди тихо. А серию пламенных революционеров мы не забудем ни в жись.

АГРОНОМ. Как их, родимых, забыть – они для нашего счастья крови нашей не жалели, они свои америки ради нашего вразумления бросили, мы-то вятские, беспутые были, всю Европу хлебом заваливали да зарплату золотом выдавали, а комиссарики явились – штаны с заплатами кожаными, да наганчик на боку, как таких не любить, как таких, в пыльных шлемах, не воспевать, как ихними кличками улицы не обзывать. Это же радость круглосуточная – жить на улице имени палача русского народа. А скороговорка про Клару и Карла пошла от нас, у нас же и Клара, и Карл, и Роза из Люксембурга и Володя Дарский, свои Воровские, большевистские, блухерские, только пошехонских нет. У всех родина как родина, а у вятских родина – революция, ей, единственной, мы верны. У нас и Ленин молодой-молодой, и юный октябрь впереди.

Пошехонские встают дружно, машут руной, говорят: «А-а-а». Уходят.

ХАЛЯВИН. Меж своих можно и тайну сказать: мы, вятские, всю жизнь на сухом берегу, немазано-сухие живем. Нас коммунисты и их продолжатели демократы за подопытных держат. Чтоб на обезьян не тратиться. Полигон для испытаний. Захоронение радиации – к нам. Талоны у нас внедряли у первых. Очереди наши было из космоса видно. Народ мы безгласный.

ГОЛЕВ. Безгласный, но смекалистый. Мы на всякие ихние хитрости очень большие глупости придумываем. Взять нас за грош невозможно. И такие мы и сякие, а глядь: все притомились, руками махать на митингах устали, а мы пашем. Вот и жены наши, вятские. У кого жены – женщины, а то и вовсе бабы, а наши – сударыни в лаптях. Мы б от них не отходили, посадили бы на лавочку, как на картинку любовались бы, да все некогда: то пьянка, то партсобрание.

АГРОНОМ. А то и враз. Перед нами скоро все сдадутся, поймут наше преимущество, к нам запросятся. Мы, конечно, простяшки, пустим, а они с порога нам на загривок, сядут и ножки свесят. Сто раз так бывало. Мы только своих за людей не считаем, а варягам почет и место.

ХАЛЯВИН. С вятскими не шути. Мы всех перемудрим.

ГОЛЕВ. А себя в первую очередь.

Уходят. Идут Сеня и Витя.

ВИТЯ. Хорошо, хорошо же было. Я сочинил от восторга души восторженный душевный стих: «Ох, режь мою плешь на четыре части – хорошо-то как жить при советской власти!» И меня замели. И – сюда. Но было же хорошо, не эта же шившая демократия была. Я и сочинил, что даже плешь от радости не жалко порезать сапожным ножом, а меня за шкирман. И – сюда. Получается, что нельзя сказать, что хорошо жил при советской власти. За антисоветчину прижучили. Получается, власть не верила, что ее не за деньги воспевают. А еще

настучали про моего космополита безродного?

СЕНЯ. Кого?

ВИТЯ. Я так попугая звал. Он залетел случайно и жил. Эмоций – ноль. Только жрать. Любил лишь себя. Все время: «Кеша хороший! Какой Кеша мужчина! Кеша не курит – курить вредно!» Кричал и опасное: «Гвардия, не подведи! Ура императорскому величеству! Оркестр, не зевай!» Он так звонки передразнивал – и телефона и дверной, – никакого отличия. Дождется, сволочь, пока мы уснем и: тр-р-р-р. Мы к дверям. Сердце бьется, штаны натягиваешь – телеграмма, кто-то умер. Только заснешь снова: дзинь-дзинь-дзинь! К телефону. Ужас. Руки трясутся. Хотел убить попугая или себя на крайний случай...

СЕНЯ. И что? Оба живы?

ВИТЯ. Перестройка спасла. Он же телевизор слушал, тоже передразнивал. Тут пошли новые слова: консенсус, рейтинг, имидж, шоу, маркетинг, дилер, киллер, плюрализм, мондиализм, сионизм, эксклюзив... Попугай рехнулся. И из окна специально выпал. И не чирикнул. Только и возопил: «Оркестр, не зевай!»

СЕНЯ. А молодцы мы, Витя, что именно здесь устроились. Хоть и тревожно жить не за забором, зато посмотри – сколько пейзажу.

ВИТЯ. Да уж, чего-чего, а пейзажа здесь до хрена. Комары, гады, велики ли, а и те понимают, что здесь мазево.

ТУРУСИН (*подходя и декламируя «из себя»*). Торговля есть война, товар не есть валюта. Терпи, моя страна, а то пойдет Малюта. «Шехерезада» – вредное сочинение, очень чувственное. Мусульманство, закрепив женщину, запретив пить, не искоренило другие пороки. Но союз с мусульманством, буддизмом необходим. У нас общие враги – масоны и наглые женщины. Выгнать масонов к их бесовой матери.

СЕНЯ. Как?

ВИТЯ. Сами они не поедут, они же паразиты, живут в грязи. Развели в России грязь и живут.

ТУРУСИН. Но они-то живут, а нам от них житья нет. Так что пусть бы жили, лишь бы не действовали. Зачем они действуют?

СЕНЯ. Чтобы тебе хуже было.

ВИТЯ. Куда еще хуже?

СЕНЯ. Всегда можно куда. Они волки, вы – овцы. Чтоб вы не дремали. Они – люди действия. Люди наживы.

ТУРУСИН. А мы их золотым магнитом вытянем. Пообещаем, что на границе им за отъезд из России золото дадут, настрижем из ихних газет талонов.

СЕНЯ. Не поверят. Это не мои медальки-ежики, не галушки в сметане.

ВИТЯ. Пора масонам, в ихню мать, Россию задом понимать. Лопатой навозной по заднице на прощание.

СЕНЯ. Это уже такие высоты идиотизма, что я восхищаюсь. Кто тебе зад подставит? Где аплодисменты, как любит говорить Боря.

Гром и грохот настрюль.

СЕНЯ. Зовут телевизор смотреть.

ТУРУСИН. Не пойду. Бездумное балабольшество постулатного пространства правящих партий. Белодомский балаган безумствует бешеной беллетристической банковских бумаг. Как жить, когда кругом коммунякают, социликают и демокакают. Сплошная стена комдемонобанд и комбандократов. Они уже капиталикают и все разбазякивают. Не смотрите телевизор. Не смотрите, заклинаю. Не смотрите, и увидите, как сами собой отомрут бесы демо-пропаганды и демоноагитации. Пусть они, не умея произносить все звуки русского языка, шлепают и шлепают губами, а нет им внимания. Вымрут за месяц. Женщины, внимание! Женщины, не смотрящие телевизор, хорошеют. Мужчины, внимание! Мужчины, не смотрящие телевизор, умнеют. Что смотреть? Закаты и рассветы. Что читать? Классику. Чем заниматься? Играть с детьми, любоваться женой, ходить с ней в магазин, развешивать выстиранное белье. По праздникам в церковь. Готовить себя к будущей

жизни, понимая, что земная жизнь – экзамен для поступления в жизнь будущую. Переэкзаменовки не будет, на второй срок не оставляют.

Грохот настрюли.

САНИТАР. Всем молчать. Сесть рядами. Уши не затыкать.

Душевнобольные рассаживаются у рамки, сделанной под вид телеэкрана. Каждый из смотрящих входит в экран для начала и продолжения передачи.

ДОНТОР (*в экране телевизора*). Господа детишки, тут кто-то задал интересный вопрос: по какому праву я говорю от имени всего народа? А по такому, что я – русский, вот и все тут мои полномочия. Забавное дело – кто только не кусает русских, а жить без них не могут. Тут уж все как на пень наехали. Вам, детишки, что ни скажи, ничему не верите. Не верите, что демократию сделали плутократы для управления дураками, не верите? Именно так. Создали с помощью науки, была официальная наука, демагогия. Кто у нас демагогию преподает?

ВСЕ. В отпуске.

ДОНТОР. Неважно. Запишите: демократию создали плутократы с помощью демагогов для управления демосом-народом для внушения ему мысли, что он управляет своей судьбой.

На полуслове его обрывает реклама, которую выберет режиссер и исполнят антеры, играющие душевнобольных.

ДОНТОР. Народ поверил, от этого-то демократы числят его быдлом. Все равно не верите? Простой пример: была Россия, стала СССРом. Размеры поменьше, но жить можно. Жили. Демократы видят, что СССР настолько могуч, что и считаться с собой заставляет, ботинком по трибуне стучит, надо что-то делать.

Входят Витя и Сеня.

ВИТЯ. Братва, давайте переключим, там футбол. Кубок УЕФА и ФИФА.

ГОЛЕВ. УЕФА и ФИФА – это как Ромео и Джульетта, что ли?

СЕНЯ. Да бросьте вы со своим футболом, по второй сто шестьдесят шестая серия чужеродного фильма. У нас полбанки осталось.

ВСЕ. *(Замахали руками, закричали.)* До-смотрим, потом переключим.

Начинается небольшой конфликт между телезрителями.

ДОНТОР. *(Продолжает.)* Дали задание демагогам – те вприскачку заплясали, сделали, трех лет не прошло, задание выполнили, обгадили всю историю, дуракам внушили, что партия – бяка, армия – дедовщина, а Куликовской битвы не было. Дураки верят. Дуракам говорят, что демократия – власть народа. Дураки верят. Однако дураки-то дураки, а понимают, что жить в державе безопаснее и жи-точней, сытнее. Голодный за единое пространство, за сохранение СССР. Проголосовали и рады.

ПАН СПОРТСМЕН. И кто послушал сей глас народа? Где тот глас и где тот СССР?

ГОЛЕВ. Кому скажешь, кто поймет?

ЗУЕВ. В суд подать.

АГРОНОМ. В какой? Им плевать на законы, у них судьи знакомы.

ХАЛЯВИН. В ООН жаловаться.

БАТЮНИН. Там и подавно они, там русским ходу нет.

ИНОСТРАНЕЦ. Сдвинулся мир, но куда конкретно, в какую сторону? Вправо, влево?

СЕНЯ. И туда, и сюда враз, оттого тошнит. И как иначе: тот тянет влево, рвет глотку и свою и чужую, тот вправо, кулачком у микрофона трясет – народ смотрит на них, вертит головой справа налево и слева направо – голова кружится.

ВИТЯ. Народ превращается в биомассу, которая хочет только футбол смотреть, сплетни обсуждать, да брюхо набивать.

БАТЮНИН *(назидательно)*. Именно такая масса желательна для правительства.

Из телевизора вылезает прямо к телезрителям женщина.

ГОЛЕВ. 0-0 ! Дикторша в натуре.

ЗУЕВ. Вот те и экстрасенс.

ЖЕНЩИНА. Я решила жить у вас, потому что у меня от этого телевизора всюду аппендицит, особенно в голове. А у вас еще все-таки можно жить, только вы меня поймете и оцените. Мне надоело быть оплеванной. Только у вас я достигну главного идеала в жизни: жить хорошо при любых начальниках. Позвольте мне жить пока с вами.

ВИТЯ. Тут у нас, девушка, люди умные. Тут, красавица, надо соответствовать.

Тут нет тебе бегущей строки.

ПАН СПОРТСМЕН. Как это «жить с вами»? Только, чур, не со мной, я кое-что открыл.

ЗУЕВ. В изолятор ее – проверить на вшивость.

АГРОНОМ. Я считаю, ее работать не заставлять.

СЕНЯ. Но наказать. Поскольку она диктор на телевидении, то пусть круглосуточно смотрит свои передачи.

ВИТЯ. Это ей не наказание. Это ей лечение. Ибо народная мудрость гласит: чем заболел, тем и лечись. Когда же излечится, тогда посмотрим, что дальше.

АГРОНОМ. Второе наказание: показывать каждый день многосерийный фильм «Билл, Коль, Боб, Майкл, Ангеле, Буш и ихние матери».

ГОЛЕВ. Необходимо закрыть женский вопрос.

ПАН СПОРТСМЕН. Ужасное, ужасное, ужасное открытие подстергало меня.

ХАЛЯВИН. Одна баба ставила свечку Георгию Победоносцу, а змею показывала кукиш. Змей является ей во сне и говорит: ты что, думаешь, к Георгию попадешь? Ты ко мне попадешь, а уж я тебе эти кукиши припомню. С тех пор бедная баба стала ставить две свечки: и Георгию, и змею.

ПАН СПОРТСМЕН. Безотраднa женская судьба. Сватают женщину и говорят: топора и пилы нам не надо, дров и о тебя

наломаем. И воды нам не надо: твоих слез хватит. За что любить мужчин, деспотов и эгоистов?

ЗУЕВ. Не все же, заявляю от имени всех, не все же.

ПАН СПОРТСМЕН. Но многие.

АГРОНОМ. Больно уж эти женщины сверхлюбопытные. Один мужик нашел горшок с золотом, понимает, что жена выдаст, говорит: я кузнеца убил и под дубом закопал, а золото взял. Она и проболталась. Его хватают, под дубом копают. Там спичечный коробок с кузнечиком. На которого рыбу ловят.

ХАЛЯВИН. Мы в детстве кузнечика на нитку привязывали.

ПАН СПОРТСМЕН. Садисты.

БАТЮНИН. Господа глобалисты, пора решать глобальные проблемы. Разбирайте лозунги, портреты. *(Разбирают.)* Белой расе приходит конец. От чего? Марксизм выдохся, коммунизм спекся, закат Европы заканчивается.

ХАЛЯВИН. Закат солнца... вручную!

СЕНЯ. А помните, был у нас Леня, не мог выговорить слов «планы по реализации», говорил «планы парализации», послушаться не посмели, вот все и парализовали. Демократы – исполнители воли коммунистов.

ПАН СПОРТСМЕН. С какой скоростью, это вопрос вопросов, изменяются физические законы?

ВСЕ. Да ведь решили уже.

ЗУЕВ. Как только это кто-то спросил, так сразу и решили.

ИНОСТРАНЕЦ. Мысль! Мысль имеет температуру и скорость. Мне говорят: излагайте медленнее, я теряюсь, сбиваю ход мысли, а главное, нагрел мысли.

ГОЛЕВ. Пример?

ИНОСТРАНЕЦ. Русские потеряли все, кроме земли, языка и чести. Землю отнимают, язык специально засоряется.

ПАН СПОРТСМЕН. Ясно и без температуры и скорости. Что у нас далее?

ВИТЯ. Грех неизбежен, но полезен при осознании греха.

БАТЮНИН. Было.

ВИТЯ. Тогда о двух подходах к решению отношений. Первый: какой же он дурак, и второй: какой же я дурак. Было?

ЗУЕВ. Кстати, о дураках.

ВИТЯ. Кстати, о птичках. Вот я тяжело соображаю, но как птичка пролетит, мысли вспархивают.

ЗУЕВ. Не комикуй.

ВИТЯ. Я не комик, я комикадзе.

БАТЮНИН. Решение всех проблем в проверке себя по отношению к другим. Виноват во всем я – одно. Виноваты во всем они – другое.

Халявин играет и поет.

ХАЛЯВИН. Что такое СНГ? Синагога? Сенегальцев в СНГ очень много. На одной пустой брехне, на реформах и цинге, будем жить в эсээнге ради Бога.

ПАН СПОРТСМЕН. А падеспань можешь?

ХАЛЯВИН. Согласно пожеланиям трудящихся, идя им навстречу, могу все, даже и сверх того. *(Играет.)* Падеспань! По аллеям петровского парка с пионером гуляла вдова. Пионера вдове стало жалко, и вдова тра-та-та, тра-та-та.

ЖЕНЩИНА. Тут у вас как на демонстрации. Портреты. Еще бы цветы и шарик.

ВИТЯ. Да мы и без шариков все клиенты.

АГРОНОМ *(танцует с Сеней)*. Или нет?

СЕНЯ. Нет, есть.

АГРОНОМ. Да, есть. Но что?

СЕНЯ. Нет, да.

АГРОНОМ *(на трибуне)*. Разве слово не дело? Почему же свобода безгранична, как о том голосят демократы. Слово, кричат они, не поджог, не пощечина, не выселение. Смешно? Или нет?

СЕНЯ. Нет, да.

АГРОНОМ. Да, есть.

СЕНЯ. Или нет?

АГРОНОМ. Значит, слово не действие, а ну-ка, дефективный, подходи, я тебя так по матушке шарашну и по бабушке пошлю. И жаловаться некуда: свобода слова.

БАТЮНИН. Я – за нравственную цензуру. Разврат, насилие, пошлость хлещет на нас с сильно голубого экрана – у развратников и словоблудов надо отнимать средства массовой информации, даже стенгазету. Или нет?

СЕНЯ. Нет, есть.

АГРОНОМ. Нет, да.

СЕНЯ. Да, есть. Или нет?

БАТЮНИН. Если телевизионщикам не терпится показать разврат, значит, они сами такие. Так ведь.

СЕНЯ. Да, так. Или нет?

ВСЕ. Нет, есть.

ПАН СПОРТСМЕН. Ужасное, ужасное открытие подстерегало меня.

ВСЕ. Мы тебя сейчас как пошлем...

Визг женщины глушит окончание фразы.

СЕНЯ. Кстати, о женщинах...

ЗУЕВ. Вот это не надо. Лучше о детях. Ну, вот решим мы все вопросы, все проблемы, а что останется детям?

ГОЛЕВ. В нашей стране мы, как никто, работаем о детях.

ХАЛЯВИН. Где у нас лозунг: «Все лучшее – детям»?

ВИТЯ. Все лучшее – моим детям.

ХАЛЯВИН. Ты, Витя, неправ дважды. Во-первых, нет таких проблем, которые не решил бы наш коллектив.

АГРОНОМ. Ты что, забыл наш девиз: как только ставится вопрос, так сразу он решается. Сразу! И никому не оставляем даже щели, чтоб не пролезли в щель домыслы.

ХАЛЯВИН. Вторая: ленивы и нелюбопытны не мы, а как раз дети. Это, наверное, у тебя детей нет, так ты и не знаешь, тогда и не суйся и не сплясывай, раз не спрашивают.

ВИТЯ. Для медленно соображающих пример к тезису: мы все покупаем сами, но покупаем то, что предлагают. Думайте. Или мы все покупаем книги...

ПАН СПОРТСМЕН. Я все для нее покупал, ничего не жалел. Но ужасное мое открытие в том, пора сказать, что она оказалась такой же, как все.

ВИТЯ. Всего-то? Чего ж тут ужасного, радуйся. Так вот. Покупают книги, но не читает никто. Ставят на полку. Думают – для детей. Вот дети вырастут, станут читать, станут умными, пойдут дальше меня, станут лучше меня. Вырастают дети, покупают по примеру родителей книги, тоже не читают, тоже думают:

вот мои дети этим богатством воспользуются, станут сильно умными, полезными и так далее. Книги как разум и мудрость столетий не участвуют в жизни. Это доказывается тем, что люди непрерывно совершают одни и те же глупости, рецепт избавления от которых давно изложен в книгах. Люди не умеют, они не читают. Или читают то, что подсовывают. Наши неандертальские власти в интервью прямо-таки заявляют, что читать им некогда, то есть вслух кричат о своем невежестве. Им же надо заседать, врать, изворачиваться, бывать, мелькать, присутствовать, выезжать, звонить... Но тогда, господа недотыкомки, чего ждать от этой власти, если она даже не знает, что такое демократия, и даже уверена, что это хорошо. Это власть кукольная, на ниточках, паяцы...

ПАН СПОРТСМЕН. Но ведь это было страшно то, что я узнал. Вдумайтесь: как все!

На него зашинали. Раздается мелодия скрипки. Женщина сидит с цветами.

ЖЕНЩИНА. Отпустите меня, я буду сажать цветы. Очень ошибаются те, кто перестает поливать цветы после того, как они отцветут. Именно тогда идет созревание семян, надо поливать... Какая нынче торопливая погода, как бежит время: уже в конце июля цвели осенние цветы, астры вспыхнули и погасли так быстро, что не хочется смотреть в окно на их сухие, склоненные головки. Снег выпал рано, отяжелил еще оставшиеся соцветия, и они пригнулись к своим могилкам. Дикий виноград вскарабкался по водосточной трубе, прижался к ней, пожелтел и вздрагивает, когда по трубе внутри пронесется кусок льда. Печаль, печаль и радость несут любимые мною цветы. У меня получается их разводить, они меня любят, я их жалею. Вот из этой крошечки-семечки вырастет

астрочка, а какого цвета – это тайна. И, может быть, мне кто-то подарит похожую на нее. Астрочка, если я доживу до твоего цветения в этом холодном времени, ты согреешь меня. Ты дашь мне красоту и спокойствие и силы сказать подругам: давайте превращать пустыри в сады...

БАТЮНИН. Подводим итоги всех пленарных дискуссий. Сидеть! Мы: то есть я и вы, мои братья по разуму, – решили, что у нас дураков нет, дураков не осталось. По крайней мере, в нашем дурдоме. Мы решили: во-первых (*задумался*) вот это, во-первых и решили: у нас дураков нет. Во-вторых: Россия гибнет по вине дураков, специально превращенных в дураков. В-третьих, мы объявляем правительство ненормальным. Признаки – постоянное вранье на всех уровнях. Ход событий в России стал неестественным, так как демократия губит все естественные ценности жизни: добросовестность, сострадание, порядочность. Они вытесняются пропагандой насилия, демагогией, спекуляцией под видом предпринимательства, вытесняются хамством. Показ убийств, разврата, пошлости приводит к потере человеческого облика. Все это пришло в Россию вместе с демократией. Болтовня о полных прилавках – бред собачий. Они полны, но чем? Химическими продуктами, которые большинству недоступны.

ИНОСТРАНЕЦ. Дошли, дошли мои слова. Точно так – признак упадка общества – замена музыки шумом и грохотом, объявление целомудрия отсталостью.

БАТЮНИН. Братья, могут начаться гонения. Олигархи вцепились в жирный кусок и оторвутся от него, только нахравшись. А нахраться они не в состоянии. Навербуют опричников нового времени, проверка стравливания русских на русских опробована. Кого-то убьют, кого-то посадят, кого-то загонят в психушку.

СЕНЯ. У нас и властям места хватит.

Выходят Зуев и Голев. У одного портрет Сталина, у другого Ленина. Стараются поднять «своего» повыше.

ПАН СПОРТСМЕН. Прогресса нет, но есть спасение.

ЗУЕВ. Да, спасение есть. Или нет?

ГОЛЕВ. Или спасения нет. Или да?

БАТЮНИН. Главный из главных тезис: все беды человека от того, что он недоволен жизнью.

ИНОСТРАНЕЦ. Как это точно! Только русские в состоянии четко формулировать.

ЗУЕВ. Душу Богу, жизнь – Отчеству, сердце – жене, честь никому. (*Размахивает портретом Ленина.*)

ГОЛЕВ. Чего ты лысым-то машешь? Честь, честь родине, запомнил? И своему лысому передай. (*Машет портретом Сталина.*)

ЗУЕВ. Ленин прав. Кто за него – направо. Кто за Сталина – налево.

ГОЛЕВ. Твой лысый по Европе на велосипеде катался, Жа-нева! России совсем не знал, для него Парижская коммуна предел мечтаний, Робеспьером грезил, Дантонов плодил.

ЗУЕВ. А твой чучмек командование Красной армии вырезал.

ГОЛЕВ. Это ложь, вранье, подтасовка и провокации. Он по пять лет в Париже не ошивался, в расстреле царя не замаран, моськи его боялись, священников он привечал, отец ты наш родимый, болезный ты наш!

ТУРУСИН. Тот отец в конце концов нас всех оставил без отцов.

ЗУЕВ. Не трожь Ленина!

ГОЛЕВ. Моего земля приняла, пожалела, а твоя мумия тутанхамонская средства на содержание оттягивает.

ТУРУСИН. Ульянова отпеть, а Ленина предать анафеме.

САНИТАР (*появляясь с дубиной*). А кто тут против реформ? (*Начинает бить направо и налево.*) Больные падают, падают друг на друга и портреты. Санитар сгребает все таблетки, выпивает и тоже рушится.

Идет вдоль больных Доктор.

ДОКТОР. Скоро будет реабилитация всем моим больным, всем моим пациентам. Вверху сообразили, что мы их умнее и не хотят нас кормить. Как же мне сохранить моих пациентов, как сохранить в этом сумасшедшем, с ума сшедшем мире? В мире, где людям врут круглые сутки? Как выжить моим милым, все понимающим больным душой? Спите, милые (*присматривается*), Господи, да вы живы ли?

БАТЮНИН. Еле-еле душа в теле.

ДОКТОР (*закрывает решетчатые двери*).

А я людей жалею. Ведь все же умрут. Боже милостивый, нет у нас надежды ни на кого, только на Тебя. Сами мы бессильны, власти о нас не думают... Заблудились мы и опаршивели, оско-
тинились и изгадились в скверне грехов...

Больные в белых балахонах выходят перед решеткой.

ДОКТОР. И нет у нас больше никаких молений ко Господу, только одно: дай нам, Господи, смерть христианскую, непо-
стыдную и доброго ответа на Твоем Страшном суде... Голова болит.

БОЛЬНЫЕ. И у меня болит. И у меня.

ДОКТОР. И сердце болит.

БОЛЬНЫЕ. И у меня болит, и у меня.

ДОКТОР. И душа болит.

БОЛЬНЫЕ. И у меня болит. И у меня.

Решетки вздымаются. Все выходят к рампе.

ВСЕ (*хором*). Да и как же им не болеть? Ведь все же в России пока ненормально.

1998–2017

